

ГЛАВА 6

РАЗВИТИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ГОСУДАРСТВА

Если мы понимаем исход феодального государства в том смысле, который мы обозначили выше как дальнейший результат органического развития, обусловленного влиянием одного из двух направлений внутренних сил, либо поступательной, либо возвратной силы, но не как его физическое уничтожение, вызванное или обусловленное внешними силами, тогда мы можем утверждать, что исход феодального государства определяется, по сути, независимым развитием его социальных институтов, сформированных исключительно экономическими средствами.

Такое влияние может исходить также извне, от иностранных государств, которые благодаря более продвинутому экономическому развитию обладают более упорядоченной централизованной властью, лучшей военной организацией и большей направленностью вперед. Мы затронули лишь некоторые из этих этапов. Независимое развитие средиземноморских феодальных государств было внезапно остановлено их столкновением с теми морскими государствами, которые находились на гораздо более высоком уровне экономического роста и благосостояния и были более централизованными, такими как Карфаген и, особенно, Рим.

В связи с этим можно привести наглядный пример разрушения Персидской империи Александром Великим, поскольку Македония в то время присвоила себе экономические достижения греческих морских государств. Лучшим примером из нашего времени является иностранное влияние в случае с Японией, время развития которой было почти невероятным образом сокращено военными и мирными порывами западноевропейской цивилизации. Всего за одно поколение Япония прошла путь от полностью зре-

лого феодального государства до полностью развитого современного конституционного государства.

Мне кажется, что мы имеем дело только с сокращением процесса развития. Насколько мы можем видеть — хотя отныне исторические свидетельства становятся скудными, а примеры из этнографии едва ли можно найти, — можно утверждать, что внутренние силы, даже без сильных внешних воздействий, со всей строгой логической последовательностью ведут зрелое феодальное государство по одному и тому же пути, к одинаковому исходу.

Создателями экономических средств, контролирующих это продвижение вперед, являются города и их система денежной экономики, которая постепенно вытесняет систему натурального хозяйства и тем самым смещает ось, вокруг которой вращается жизнь государства; вместо земельной, недвижимой собственности приходит на смену и постепенно становится преобладающим движимый, коммерческий капитал.

Часть А. Освобождение и эмансипация крестьянства

Это естественное следствие основополагающей предпосылки феодального государства. Чем больше крупные частные землевладельцы превращаются в княжеские землевладельческие дворянства, тем больше, в той же пропорции, должна разрушаться феодальная система естественного хозяйства. Чем большими правами на земельную собственность наделяются и поощряются князья территориальных государств, тем больше феодальная система, основанная на натуральных платежах, обречена на распад и разрушение; можно сказать, что оба процесса идут нога в ногу в данном направлении развития.

До тех пор пока владение большими поместьями относительно ограничено, хозяином мог быть реализован примитивный «принцип пчеловода», позволяющий хозяину оставлять своим крестьянам такое мизерное количество

пищи, которого им едва ли будет хватать на пропитание. Однако когда хозяева расширяют территориальные размеры владений, увеличивая их обычно за счет присоединения земель, которые являются результатом успешных завоеваний или результатом отказов от поместий, а также субинфеодаций в результате наследия или политических браков между мелкими землевладельцами, разбросанными по всей стране и находящимися далеко от исконных владений хозяина, то политика «принципа пчеловода», ввиду удаленности и неподконтрольности земель, больше уже не может осуществляться. Поэтому если территориальный магнат не будет иметь в своем распоряжении огромную массу надзирателей, что экономически не выгодно и политически неразумно, то ему придется обложить всех своих крестьян некоторой фиксированной данью, частично арендной платой, а частично налогом. Экономическая необходимость административной реформы объединяется, таким образом, с политической необходимостью возвышения «плебеев» так, как это уже обсуждалось.

Чем больше территориальный магнат перестает быть частным землевладельцем, тем более настойчиво и всецело стремится он стать субъектом публичного права, т.е. князем какой-нибудь территории, тем больше возрастает упомянутая выше солидарность между князем и народом. Мы видели, что некоторые немногие магнаты, еще в период перехода от крупных помещичьих землевладений к княжествам, находили для себя наибольший интерес в том, чтобы поддерживать и осуществлять «мягкое» правительство. Это привело к закономерному результату, который не только воспитал в их плебейх более мужественное самосознание по отношению к государству, но позволил также немногим оставшимся простым свободным людям легко отказаться от своих политических прав в обмен на покровительство и безопасность; одновременно, что было еще более важным, такой результат лишал его соседей и соперников их драгоценного человеческого материала.

И когда уже наместный князь достигнет, наконец, своей полноценной, фактической независимости, его личный интерес должен будет и в дальнейшем побуждать в нем стремление продолжать путь, начатый данным образом. Однако даже если он снова наделит своих судебных приставов или служащих землями и крестьянами, то у него все равно будет самый неотложный политический интерес, чтобы следить за тем, чтобы его подданные не передавались им без определенных ограничений. Чтобы сохранить свой контроль над людьми, князь определит право своих «рыцарей» на доходы от их земель ограниченными выплатами в натуральной форме и ограничением принудительного труда, оставляя за собой то, что требуется в общественных интересах, таких как принудительный труд на дорогах или на мостах. Вскоре мы увидим, что данное обстоятельство, что во всех развитых феодальных государствах крестьяне имеют как минимум двух господ, которые требуют от них службы, является решающим фактором для их последующего возвышения.

По всем этим причинам услуги, которые требуются от крестьян в развитом феодальном государстве, должны быть каким-либо образом ограничены. Отныне все излишки труда принадлежат крестьянину, свободному от контроля землевладельца. С этим изменением характер земельной собственности был полностью революционизирован. До этих пор помещик по закону имел право на весь доход, сохраняя только то, что было абсолютно необходимо, чтобы его крестьяне могли существовать и производить свое потомство; с этого момента и в дальнейшем весь продукт крестьянского труда по праву принадлежит крестьянину, сохраняя только фиксированную плату для своего землевладельца в качестве земельной ренты. Владение обширными земельными владениями теперь перешло в манориальные права*.

* Манор — это земельная собственность при феодальной системе, включающая фиксированный феодальный доход. — *Прим. перев.*

Это завершает второй важный шаг, сделанный человечеством к его цели. Первый шаг сделан, когда человек совершил переход от стадии медведя, разорителя ульев, к стадии пчеловода-эксплуататора и таким образом открыл для себя рабство; данный второй шаг отменил это рабство. Трудящееся человечество теперь, прежде являвшееся лишь объектом права, впервые становится субъектом права, существом, обладающим и способным пользоваться правами. «Рабочий мотор», без прав, принадлежащий своему господину, и без действительных гарантий жизни и здоровья, стал теперь впервые субъектом налогообложения для какого-то князя. Отныне эти экономические средства, впервые уверенные в своем успехе, развивают свои силы совершенно иначе. Крестьянин работает с несравненно большим усердием и заботой, получает отдачи больше, чем ему необходимо, и тем самым вызывает к жизни «город» в экономическом смысле этого слова, т.е. промышленный город. Избыток продукции, производимый крестьянством, вызывает рост спроса на предметы, не производимые в крестьянском хозяйстве; в то время более интенсивное сельское хозяйство приводит к сокращению тех побочных промышленных продуктов, которые прежде вырабатывались крестьянской домашней промышленностью.

Поскольку сельское хозяйство и животноводство все в большей мере поглощают энергию сельской семьи, становится возможным и даже необходимым разделение труда между первичным производством* и вторичной мануфактурой**; деревня имеет тенденцию становиться преимущественно местом первого — сырьевого — производства, а промышленный город возникает и становится как место второго — товарного — производства.

* Сырьевым. — *Прим. перев.*

** Товарным. — *Прим. перев.*

Часть Б. Развитие Индустриального Государства

Пусть у вас не будет недоразумений: мы не утверждаем, что любой город возникает таким образом, но только промышленный город. Существовал и настоящий исторический город, который можно обнаружить в каждом развитом феодальном государстве. Такие города возникли либо благодаря чисто политическим средствам, таким как цитадель¹³⁴, либо благодаря сотрудничеству политических и экономических средств, таких как рынок, либо из-за какой-то религиозной необходимости, как окрестности какого-либо храма*. Везде, где такой, в историческом смысле, город существовал по соседству, вновь возникающий, промышленный город имел тенденцию расти вокруг него; в ином случае он развивался спонтанно из существующего и назревшего разделения труда. И, как правило, он, в свою очередь, превратится в оплот и будет иметь свои собственные места поклонения.

Это, однако, несущественные исторические дополнения. В строгом экономическом смысле «город» обозначает место сосредоточения экономических средств или товарообмена и взаимобмена на эквивалентные ценности между сельским сырьевым производством и мануфактурным товарным производством. Это соответствует общепринятому значению в языке, согласно которому «цитадель», какой бы обширной она ни была, благодаря своему скоплению храмов, монастырей и мест для паломничества, будь они

* «Каждое место поклонения собирает вокруг себя жилища священников, школы и дома отдыха для паломников» (Ratzel, I. с. II, p. 575).

Естественно, что каждое место, к которому совершаются великие паломничества, становится обширным торговым центром. Мы можем видеть воспоминания об этом в том факте, что большие оптовые рынки, проводимые в установленные времена в Северной Европе, называются *Messen* от одноименной религиозной церемонии. — *Прим. авт.*

представлены без какого-либо места для обмена, была бы обозначена, после всех ее внешних характеристик, как «похожая на город» или «напоминающая город».

И хотя, возможно, могли быть некоторые изменения во внешности исторического города, здесь произошла внутренняя революция в грандиозном масштабе. Промышленный город стал прямо противоположен государству, стал находиться в оппозиции к государству. Так как государство является оплотом развитых политических средств, так и промышленный город — оплот развитых экономических средств. С этих пор между городом и государством происходит грандиозное противоборство, наполняющее содержанием всю универсальную историю, да и, в сущности, создающее весь ее смысл.

Город, как экономический и политический организм, подрывает феодальную систему политическим и экономическим оружием. С первым город обладает силой принуждения, а со вторым город обладает силой притяжения, привлекая к себе власть от теряющего свою власть господствующего феодального класса.

Данный процесс происходит в политической сфере путем вмешательства города, который теперь является центром своей собственной власти, в политический механизм развитого феодального государства, в борьбу между центральной государственной властью и между местными территориальными магнатами и их подданными. Города являются опорными пунктами и местами обитания воинственных людей, а также хранилищами материальных средств для ведения войны (амуниция, оружие и т.д.); а позже города становятся центральными источниками обеспечения деньгами, используемыми для борьбы между центральным правительством и набирающими силу наместными князьями или между наместными князьями в их междоусобных войнах. Таким образом, они являются важными стратегическими пунктами или ценными союзниками; и могут благодаря своей умелой политике приобретать важнейшие права.

Как правило, города принимают сторону короля в борьбе против феодальной знати, во-первых, по социальным причинам, потому что землевладельцы отказываются признавать социальное равенство, требуемое по праву их более состоятельными горожанами; во-вторых, по политическим причинам, потому что центральное правительство благодаря солидарности между князем и народом более подвержено влиянию общих интересов, чем территориальный магнат, который служит только своим частным интересам; и наконец, в-третьих, по экономическим причинам, потому что городская жизнь может процветать только в условиях мира и безопасности. Рыцарские обычаи, такие как клубное право и частная война, а также рыцарская практика грабежей караванов несовместимы с экономическими средствами; и следовательно, города являются верными союзниками хранителям мира и справедливости, сначала великому императору, затем суверенному наместному князю; и когда вооруженные горожане ломают и грабят укрепления какого-нибудь барона-разбойника, эта крошечная капля борьбы отражает идентичный процесс, происходящий в океане истории.

Чтобы успешно выполнять свою политическую роль, город должен привлекать к себе как можно большее число горожан, что также обусловлено еще чисто экономическими соображениями, так как разделение труда и благосостояние увеличиваются с ростом числа городского населения. Поэтому города всеми силами стараются поддерживать иммиграцию, чем еще раз показывают резкий контраст в своем существенном отличии от феодальных помещиков. Таким образом, новые горожане, привлеченные в города, изымаются из феодальных владений, которые, по мере укрепления городов, теряют свою силу налогообложения и военной обороны и ослабляются в пропорциональной зависимости. Город становится могущественным конкурентом на аукционе, где самая высокая ставка на крепостного сбивается тем,

кто предлагает наибольшую цену, тем, кто предлагает больше всего прав. Город предлагает крестьянину полную свободу, а в некоторых случаях дом и двор. Принцип «городской воздух освобождает крестьянина» успешно побеждает; и центральное правительство, довольное укреплением городов и ослаблением мятежных дворян, обычно подтверждает хартией вновь приобретенные права.

Третий великий шаг в развитии всемирной истории следует искать в открытии почета свободного труда; или, лучше сказать, в повторном его открытии, ибо достоинство свободного труда было упущено из виду с тех далеких времен, когда свободный охотник и даже покоренный первобытный фермер пользовались и наслаждались результатами своего труда. Крестьянин до сих пор носит клеймо парии (отверженного), и его права мало уважаются. Но в окруженном стеной, хорошо защищенном городе горожанин высоко и твердо держит голову. Он свободен во всех смыслах этого слова, свободен даже по закону, поскольку мы находим в предоставлении прав во многих ранних «освобождающих» городах* положение о том, что живущий в городе крепостной, проживающий там «год и день» и не получивший претензий или требований со стороны своего хозяина, считается отныне свободным горожанином, гражданином.

Внутри городских стен по-прежнему существуют различные звания и степени различия политического статуса. Вначале старые поселенцы, люди равного ранга с местными дворянами, затем древние вольники из городского самоуправления, они отказывают пришельцам, обычно бедным ремесленникам или торговцам, в праве на участие в городском правительстве. Но, как мы видели, в случае с морскими городами такие градации ранга не могут поддерживаться внутри бизнес-сообщества. Большинство, умное, скептическое, тесно организованное

* *Ville-franche*, вольных городах, дающих свободу, городах со свободным гражданством. — *Прим. перев.*

и компактное, принуждает к уступке равных прав. Разница лишь в том, что борьба идет труднее в развитом феодальном государстве, потому что борьба касается не только заинтересованных сторон. Большие территориальные магнаты и наместные князья, находящиеся по соседству, препятствуют полному развитию сил свободного города своим вмешательством. В морских государствах Древнего мира не было *tertius gaudens**, которые могли бы извлечь какую-либо выгоду из борьбы внутри города, поскольку за пределами морских городов не существовала система могущественных феодалов.

Таким образом, это политическое оружие городов в их борьбе против феодального государства: союзы с короной, прямое нападение и выманивание крепостных от феодалов своим «воздухом города», дающим им право и свободу. Его экономическое оружие не менее эффективно: переход от натуральных платежей к системе денежного обращения как более эффективному средству обмена неразрывно связан с гражданскими методами; это то средство, благодаря которому система натуральных платежей полностью уничтожается, а вместе с этим и феодальное государство.

Часть В. Воздействие денежной экономики

Социологический процесс, приводимый в движение системой денежной экономики, настолько хорошо известен, а его механизмы настолько общепризнаны, что достаточно изложить всего нескольких соображений.

Здесь, как и в случае с морскими государствами, последствием вторжения денежной системы является то, что центральное правительство становится почти всемогущим, в то время как местные власти приводятся к полному бессилию.

* Переводится как «довольных третьих», относится к ситуации, где третья сторона выигрывает от конфликта между двумя другими. — *Прим. перев.*

Господство — не самоцель, а лишь средство правителей для достижения их главной цели — обладания и наслаждения, без усилий труда, предметами потребления как можно в большем количестве и как можно в лучшем качестве. Во время преобладания системы естественного хозяйства не существует никакого другого способа получить их, кроме как путем господства; пограничные надзиратели и наместные князья приобретают свое богатство своей политической властью. Чем больше крестьян находится в их власти и собственности, тем больше их военная мощь и тем обширнее территория, которая им подчиняется, и тем больше, соответственно, их доходы.

Однако как только продукты сельского хозяйства начинают обменивать на заманчивые промышленные товары, для каждого становится более разумным стать прежде всего частным лицом, т.е. для каждого феодала, не для наместного князя, — и это еще включает в себя и рыцарей, — чтобы уменьшить, насколько это будет возможно, число крестьян и оставить только такое их незначительное количество, когда возможно с наибольшим их трудом получить наибольший продукт от земли, чтобы затем оставить его себе как можно меньше. Чистый продукт от поместных владений, таким образом, чрезмерно увеличенный в количестве, доставляется теперь на рынки и продается за товары и больше не хранится под стражей корпуса гвардейцев и не используется для их содержания.

Распустив своих гвардейцев, рыцарь становится простым распорядителем феодального рыцарского дохода*. С этим событием, как с еще одним ударом, центральная власть, власть короля или наместного князя больше не имеет соперника и противника своему господству; центральная власть отныне становится политически всемогущей. Непокорные вассалы, которые прежде заставляли трепетать слабых королей, после короткой попытки

* См. примечание о значении *Rittergutsbesitzer* на с. 114. — *Прим. перев.*

совместного правления, во времена правления феодальных поместий, превратились в послушных и податливых придворных, просящих милостыню у какого-нибудь абсолютного монарха, например Людовика XIV.

И кроме того, король стал их последним прибежищем, так как военная мощь, теперь осуществляемая единолично королем как казначеем всего насилия, только она может защитить их от вечно имманентного восстания их арендаторов, обобранных до костей. И если раньше, во времена натурального хозяйства, король почти во всех случаях был на стороне крестьян и горожан и выступал против поместного дворянства, то теперь мы получаем союз абсолютных королей, порожденных развитым феодальным государством, совместно с их дворянством, выступающих против всех представителей экономических средств.

Со времен Адама Смита было принято излагать эту фундаментальную революцию в такой форме, что будто бы глупые дворяне продали свое «первородное право»* за чевичиную похлебку, когда они обменяли свое превосходство на глупые предметы роскоши. Никакая точка зрения не может быть более ошибочной. Индивидуумы часто ошибаются в защите собственных интересов; класс же, в течение относительно длительного периода времени, никогда не ошибается**.

Факт в том, что система денежного обращения настолько могущественно и немедленно укрепила центральную власть, что даже без вмешательства «аграрного переворота»

* Право в силу происхождения, принадлежащее по праву рождения. — *Прим. перев.*

** Данную фразу Франца Оппенгеймера критиковал Людвиг Мизес в своей книге «Всемогущее правительство: тотальное государство и тотальная война» (М.; Челябинск: Социум, 2013. С. 380—381), но Мизес использовал эту фразу вырванной из контекста, подразумевая под «классом» — класс социалистов, а под «длительным периодом» — не исторический период, а предполагаемый период времени, некую «долгосрочную перспективу». — *Прим. перев.*

всякое сопротивление помещичьего дворянства было бы бессмысленным. Как нам показывает история античности, армия центрального правительства, финансово обеспеченная, всегда превосходит феодальное ополчение. Деньги позволяют вооружать крестьянских сыновей и превращать их в профессиональных солдат, чья крепкая организация всегда превосходит свободную конфедерацию вооруженной массы рыцарей. Кроме того, на данном этапе центральное правительство может всегда рассчитывать на помощь хорошо вооруженных оруженосцев из городских гильдий.

Порох сделал все остальное в Западной Европе. Огнестрельное оружие, однако, является продуктом, который можно выпускать только на промышленных предприятиях богатого города. По этим военно-техническим причинам даже такой феодальный землевладелец, который мог не беспокоиться о вновь созданной роскоши и который мог желать только сохранить или увеличить свое независимое положение, неизбежно должен подвергнуть свои территории той же аграрной революции; так как для того, чтобы быть сильным, он теперь должен был прежде всего иметь деньги, которые в новом порядке вещей стали «*pergus regum*» (связкой, сухожилием), либо для приобретения оружия, либо для привлечения наемников. Поэтому второе капиталистическое оптовое предприятие* возникло через систему платежей в деньгах; помимо оптового управления земельными владениями война ведется также как большое коммерческое предприятие, кондотьеры** появляются именно в этот период. Рынок полон материала для армий наемников, разжалованными гвардейцами феодалов и молодыми крестьянами, чьи земли были захвачены лордами.

* Под первым капиталистическим оптовым предприятием понимается массовая работоторговля в древних морских государствах, что было рассмотрено в соответствующей главе. — *Прим. перев.*

** Профессиональные военные наемники. — *Прим. перев.*

Бывают такие случаи, когда какой-нибудь мелкий дворянин может взойти на трон какого-нибудь наместного княжества, как это происходило много раз в Италии и как это было достигнуто Альбрехтом Валленштейном, даже в период Тридцатилетней войны. Но это вопрос индивидуальной судьбы, не влияющий на исторический результат. Локальные власти исчезают из-за борьбы политических сил как независимые центры правления и сохраняют остаток своего прежнего влияния только до тех пор, пока они служат князьям в качестве источника снабжения; т.е. государству, состоящему из своих феодальных сословий.

Бесконечное увеличение могущества короля затем вновь усиливается вторым созданием системы денежного обращения — расчетом с чиновниками. Мы подробно рассказывали о порочном круге, который завел феодальное государство в тупик между агломерацией и распадом, поскольку его управляющие должны были расплачиваться «землями и крестьянами», и тем самым были вскормлены потенциальные соперники их королевства. С появлением денежных платежей этот порочный круг разрывается. Отныне центральное правительство выполняет свои функции через наемных работников, постоянно зависящих от их казначея¹³⁵. Впредь становятся возможными постоянное, сильно централизованное правительство и появление империй, которые не существовали со времен древних развитых морских государств и которые также основывались на денежных платежах.

Эта революция политического механизма была повсюду приведена в движение развитием экономики денежного обращения, — за единственным исключением, насколько я могу судить, а именно Египта.

Здесь, по утверждению экспертов, нет никакой определенной информации, и кажется, что система денежного обмена появляется как зрелый институт только в греческие времена. До этого времени дань крестьян выплачивалась натурой¹³⁶. И все же мы находим, что вскоре после изгнания царей-скотоводов, во времена Новой Империи (при-

близительно в шестнадцатом веке до нашей эры), царский абсолютизм был полностью развит: «Военное могущество поддерживается иностранными наемниками, администрация осуществляется централизованным аппаратом чиновников, зависящих от царской милости, в то время как феодальная аристократия пропала»¹³⁷.

Может оказаться так, что данное исключение подтверждает правило. Египет — страна исключительной географической конформации. Зажатая в узких пределах между горами и пустыней естественная магистраль — река Нил пересекает всю страну в длину и позволяет перевозить громоздкие грузы с гораздо большей легкостью и эффективностью, чем самая прекрасная дорога. И эта магистраль позволила фараону собирать налоги со всех своих округов в свои собственные хранилища, так называемые «дома»¹³⁸, и из них он сам мог снабжать свои гарнизоны и гражданских служащих продуктами, которые получал в натуральном виде.

По этой самой причине Египет, после того как он однажды объединяется в империю, остается централизованным до тех пор, пока могучие иностранные державы не погасят его жизнь в качестве «государства». «Это обстоятельство является источником громадной и полнейшей власти в руках фараона, в то время когда платежи все еще производятся в натуральной форме; такой исключительный и непосредственный контроль над всеми предметами каждодневного потребления находится полностью в его руках. Правитель раздает своим подданным только такое количество из всей массы товаров, которое ему кажется уместным и правильным; а поскольку и предметы роскоши почти все находятся исключительно в его руках, он также обладает, по этой причине, исключительной, необычайной полнотой власти»¹³⁹.

За исключением этого единственного случая, когда могущественное насилие выполняет задачу*, власть денеж-

* Распределения благ. — *Прим. перев.*

ного обращения во всех остальных случаях, по-видимому, разрушила феодальное государство.

Стоимость революции в итоге ложилась на крестьян и на города. Когда заключается мир, король и мелкие дворяне взаимно жертвуют крестьянством, разделяя его, так сказать, на две идеальные половины; король дарует дворянству большую часть крестьянских общих земель и большую часть крестьянских рабочих обязанностей, которые еще не были экспроприированы; а дворянство, в свою очередь, уступает королю право призыва солдат и обложения налогом как всего крестьянства, так и всего городского населения. Крестьянин, который ранее разбогател на свободе, снова погружается в нищету и, следовательно, в социальную неполноценность. Бывшие феодальные державы теперь объединяются в союзники, чтобы поработить города, за исключением тех случаев, когда, как в Верхней Италии, города сами становятся центральными феодальными державами. (Но даже в этом случае они, по большей части, попадают под власть капитанов наемников, кондотьеров.) Сила нападения захватчика увеличилась, власть городов уменьшилась. Ибо с распадом крестьянства покупательная способность крестьян убывает, и следом за этим убывает достаток и падает благосостояние основанных на них городов.

Малые города в стране стагнируют и становятся беднее и, будучи теперь неспособными к обороне, становятся жертвой и добычей абсолютистского правления местных князей; крупные города, где спрос на роскошь среди дворян породил сильный торговый элемент, распадаются на социальные группы и, таким образом, растрачивают свою политическую силу. Иммиграция, вливающаяся теперь в их стены, состоит из уволенных и сломленных наемников, обездоленных крестьян, нищих механиков из небольших городов; другими словами, это теперь пролетарская иммиграция. Впервые появляется, по терминологии Карла Маркса, «свободный рабочий» в массах, конкурирующий со своим собственным классом на городских рынках труда.

Здесь снова «закон агломерации» вступает в силу, чтобы сформировать эффективные классовые и имущественные различия и, таким образом, разорвать слои городского населения. В городах между классами происходят дикие бои, благодаря которым, при каждом удобном случае, наместный князь снова добивается контроля. Единственные города, которые могут навсегда избежать смертельных объятий власти князя, — это лишь несколько подлинных «морских государств» или «городов-государств».

Как и в случае с морскими государствами, центр вращения жизни государства сместился в другое место. Вместо того чтобы вращаться вокруг богатства, вложенного в земельные владения, он теперь устремляется к капитализированному богатству, потому что, тем временем, недвижимая собственность сама становится «капиталом». Почему же это развитие не приводит, как в случае с морскими государствами, к капиталистической экспроприации рабочего труда?

Есть две обуславливающие причины: одна внутренняя, другая внешняя. Внешняя причина заключается в том, что в это время вряд ли уже возможна охота на рабов в прибыльных масштабах в любой части мира, поскольку почти все соседние страны, находящиеся в пределах досягаемости, также организованы как сильные государства. Везде же, где это возможно, например в американских колониях западноевропейских держав, рабство развивается моментально.

Внутреннюю причину можно найти в том обстоятельстве, что крестьянин материковых государств, в отличие от условий, господствующих в морских государствах, подчиняется не одному господину, а по крайней мере двум* лицам, имеющим право на его службу, — своему князю и своему помещику. Оба они сопротивляются любым по-

* В средневековой Германии крестьяне во многих случаях платят дань не только помещику и территориальному князю, но и проректору, и судебному приставу. — *Прим. авт.*

пыткам ослабить способность своих крестьян к служению себе, поскольку это необходимо для их интересов. Особенно сильные князья много сделали для своих крестьян, например бранденбургско-прусских. По такой причине крестьяне, хотя и подверглись жестокой эксплуатации, все же сохраняли свою личную свободу и свое положение подданных, наделенных личными правами в государствах, где феодальная система была полностью развита, когда система денежных платежей заменила систему платежей в натуральной форме.

Доказательства того, что это объяснение верно, можно найти в отношениях тех государств, которые были охвачены системой денежного обращения, еще до того, как феодальная система успела сформироваться.

Особенно это относится к тем районам Германии, которые ранее были оккупированы славянами, но особенно к Польше. В этих районах феодальная система еще не была выработана так основательно, как в таких регионах, где спрос на зерновые продукты в крупных западных промышленных центрах превратил дворян, субъектов публичного права, во владельцев Риттергута*, субъектов частных экономических интересов. В этих районах крестьяне были обязаны обслуживать только одного хозяина, который был одновременно их сеньором и помещиком; и в результате этого возникли упомянутые нами ранее республики дворян, которые, насколько им позволяло давление их более прогрессивных соседей, имели тенденцию вплотную приближаться к капиталистической системе эксплуатации рабского труда¹⁴⁰.

Следующее настолько хорошо известно, что это можно изложить кратко. Система обмена с помощью денег превращается в капитализм и создает новые классы в противоположность землевладельцам; капиталист требует себе равных прав с ранее привилегированными порядками и, в конце концов, получает их, революционизируя при

* См. прим. на с. 114. — *Прим. амер. перев.*

этом низлежащих плебеев. В этом наступлении на свя-
щенно установленный порядок вещей капиталисты объ-
единяются с низшими классами, разумеется, под знаме-
нем «естественного закона». Но, как только победа бы-
ла достигнута, класс, основанный на движимом богатстве,
так называемый средний класс, поворачивает свое оружие
против низших классов, заключает мир со своими бывши-
ми противниками и призывает в своей реакционной борь-
бе против пролетариев, своих поздних союзников, тео-
рию легитимности или использует злую смесь аргумен-
тов, основанных частично на легитимности, а частично на
псевдолиберализме.

Таким образом, государство постепенно развивалось
от первобытного грабительского государства, через ста-
дии развитого феодального государства, через абсолютизм
к современному конституционному государству.

Часть Г. Современное Конституционное Государство

Остановимся на механике и кинетике современного госу-
дарства на какое-то время.

В принципе, это та же самая сущность, что и перво-
бытное грабительское государство или развитое феодаль-
ное государство. Однако был добавлен один новый эле-
мент — чиновничество, которое по крайней мере будет
иметь такую цель, что в борьбе различных классов оно бу-
дет представлять общие интересы от государства в целом.
Насколько эта цель сохранится в дальнейшем, мы рассмо-
трим в другом месте. Теперь давайте изучим государство
в отношении его характеристик, которые оно привнесло
из своих ранних стадий.

Его форма по-прежнему остается господством, а его со-
держание — эксплуатацией экономических средств. По-
следние по-прежнему ограничиваются публичным правом,
которое, с одной стороны, защищает традиционное «рас-
пределение» совокупных продуктов населения; а с другой

стороны, пытается поддерживать работоспособность налогоплательщиков и тех, кто обязан оказывать услуги. Внутренняя политика государства продолжает вращаться по орбите, предписанной ему центробежной силой классовой борьбы и центростремительной тягой общих интересов государства; и его внешняя политика по-прежнему продолжает определяться интересами его правящего класса, которые теперь включают в себя помимо земельных еще и денежные интересы.

В принципе, в настоящее время, как и прежде, следует различать только два класса: господствующий класс, который приобретает больше общего продукта народного труда, полученного экономическими средствами, чем вносил свой вклад, и подчиненный класс, который приобретает меньше полученного в результате богатства, чем вносил свой вклад. Каждый из этих классов, в свою очередь, в зависимости от степени своего экономического развития делится на большее или меньшее количество подклассов или слоев, которые классифицируются в зависимости от удачного или неудачного сочетания их экономических стандартов.

Среди высокоразвитых государств обнаруживается введенный между двумя основными классами еще переходный класс, который также можно подразделить на различные слои. Его члены обязаны оказывать услуги вышестоящему классу, в то время как они имеют право также получать услуги от нижестоящих классов. Чтобы проиллюстрировать это на примере, мы находим в правящем классе современной Германии как минимум три слоя. Сначала идут крупные земельные магнаты, которые в то же время являются основными акционерами крупных промышленных предприятий и горнодобывающих компаний; следующими идут промышленные магнаты и «банкократы», которые также во многих случаях становятся владельцами больших землевладений. Вследствие этого они быстро смешиваются с первым слоем. Таковы, например, князя Фуггеры, бывшие банкирами Аугсбурга, и графы

Доннерсмарка, владельцы крупных рудников в Силезии. И наконец, есть мелкие деревенские дворяне, которых мы в дальнейшем будем называть юнкерами или «сквайрами».

Подчиненный класс, во всяком случае, состоит из мелких крестьян, сельских рабочих, фабричных рабочих, горнорабочих и шахтеров, мелких ремесленников и подчиненных чиновников. «Средние классы» — переходящие промежуточные классы: они состоят из владельцев крупных и средних фирм, мелких фабрикантов и наиболее высокооплачиваемых техников и механиков, кроме лишь той богатой «буржуазии», такой как евреи, которые не богатели настолько, чтобы преодолеть определенные традиционные трудности, препятствующие их достижению уровня, смешивающегося с вышестоящим классом. Все они оказывают безответное обслуживание вышестоящему классу и получают безответное обслуживание от нижестоящих классов. Это определяет тот результат, который возникает либо перед слоем в целом, либо перед отдельными его представителями, т.е. либо полное присоединение к высшему классу, либо полное погружение в низший класс. Из (германских) переходных классов крупные фермеры и производители среднего достатка выросли и поднялись на высший уровень, в то время как большинство специалистов и ремесленников перешли в более низшие классы. Таким образом, мы подошли к кинетике классов.

Интересы каждого класса приводят в движение действующую совокупность связанных с ним сил, которые, с определенным усилием, движут им в направлении к достижению определенной цели. Все классы в общем смысле имеют одну-единственную цель: а именно совокупный результат производительного труда всего народонаселения данного государства. **Каждый класс пытается приобрести**, насколько это возможно, **наибольшую долю национального производства**; и так как все классы стремятся к одной данной цели, то классовая борьба дает свои результаты. Эта классовая борьба является содержанием и сущностью всей исторической летописи государств, за исключени-

ем тех редких случаев, когда интересы классов в государстве в целом совпадают и порождают некие общие действия. На данный момент ими можно пренебречь, поскольку, в рамках традиционного метода исторического исследования, они приобрели неоправданно чрезмерное значение, что привело к главенству односторонних взглядов.

Исторически эта классовая борьба является партийной борьбой. Партия изначально и по своей сути есть не что иное, как организованное представление класса. Всякий раз, когда класс, в силу своей социальной дифференциации, распадается на многочисленные подклассы с различными отдельными интересами, партия, претендующая на то, чтобы представлять данный класс, при первой же возможности распадается на множество крошечных партий, которые будут либо союзниками, либо злейшими противниками, в зависимости от степени расхождения классовых интересов. С другой стороны, если прежние классовые противоречия исчезали из-за социальной дифференциации, то две прежние партии за короткое время объединяются в новую партию.

В качестве примера для первого случая можно вспомнить отделение ремесленных и антисемитских партий от партии Немецкого Либерализма, которое произошло вследствие такого факта, что первые представляли собой нисходящие группы, в то время как вторая являлась объединенной восходящей группой. Характерный пример для второго случая можно найти в политическом объединении, которое соединило в Союз Фермеров мелких помещиков из Восточной Эльбии с богатыми, обладающими крупными плантациями крестьянами из Западной Эльбии. Поскольку мелкий помещик тонет, а крупный фермер поднимается, то они встречаются где-то на середине пути.

Партийная политика может иметь только одно значение, а именно: приобретать для представляемого класса как можно большую долю в совокупном объеме национального производства. Другими словами, привилегированные классы намерены сохранять свою долю, по крайней мере

на прежнем уровне, и, если это будет возможно, увеличить ее до такого максимального уровня, который позволит эксплуатиремым классам только существовать, чтобы поддерживать их в состоянии только выполнять свою работу, как это было на стадиях эксплуататора-пчеловода. Цель эксплуататоров всегда состоит в том, чтобы конфисковать весь прибавочный продукт экономических средств, избыток которого чрезвычайно возрастает, по мере того как население становится все более плотным и многочисленным, а разделение труда — все более мелким и специализированным. С другой стороны, группа эксплуатируемых классов хотела бы уменьшить свою дань до нулевой отметки и потреблять весь свой продукт самостоятельно; а переходные средние классы стараются, насколько это возможно, над уменьшением своей дани высшим классам, в то же время они стремятся увеличить свой безответный доход от нижестоящих классов.

В этом и состоит цель и содержание партийной борьбы. **Правящий класс ведет эту борьбу всеми теми средствами, которые он приобрел от завоеванного им господства. Вследствие этого правящий класс заботится о том, чтобы законодательство создавалось в его интересах и чтобы законодательство работало на достижение целей правящего класса. Затем эти законы применяются таким образом, что тупой край клинка справедливости обращен вверх к правящему классу, а его острый режущий край обращен вниз к подчиненному классу.** Правящий класс в каждом государстве использует также управление государством в интересах принадлежащих ему лиц в двойном значении. Во-первых, он оставляет за своими приверженцами все видные места и все влиятельные и прибыльные должности, в армии, в высших ветвях государственной службы, в правоохранительной системе и в местах правосудия; и во-вторых, именно благодаря этим агентам влияния он направляет и осуществляет внутреннюю политику государства, по причине своей классовой политики заставляет вести торговые войны, проводит колониальную политику, вводит протекционистские тарифы,

защитное законодательство, в некоторой степени улучшающее условия труда, политику избирательных реформ и т.д. Когда дворяне управляли государством, они эксплуатировали его так, как они эксплуатировали бы свое имение; когда буржуазия захватила господство, государство эксплуатируется так, как эксплуатировалась бы их фабрика. А классовая религия прикрывает все пороки, пока их можно терпеть, своим «не трогайте скрепы общества».

В публичном праве все еще существует ряд политических привилегий и экономических стратегических позиций, которые благоприятствуют правящему классу: например, в Пруссии существует система голосования, которая дает плутократам неоправданное преимущество по сравнению с менее привилегированными классами, ограничение конституционного права на свободу собраний, регламенты для служащих и т.д. По этой причине конституционная борьба, ведущаяся на протяжении тысячелетий и доминирующая в жизни государства, никак не может быть завершена. Борьба за улучшение условий жизни и труда, как еще один этап партийной и классовой борьбы, обычно происходит в залах судебных заседаний, так же часто она происходит путем демонстраций на улицах, всеобщих забастовок или открытых протестов.

Впрочем, плебеи окончательно и определенно усвоили, что эти остатки феодальных стратегических центров, за исключением запоздалых случаев, не представляют собой окончательного оплота их противников. Причину следует искать не в политических, а в экономических условиях, что привело к тому, что даже в современном конституционном государстве «распределение богатства» принципиально никак не изменилось, так же как и в былые феодальные времена, огромная масса людей живет в крайней нищете; даже в самых лучших условиях они имеют лишь предметы первой необходимости, заработанные тяжелым, изнуряющим, одуряющим, угнетающим принудительным трудом, который уже больше не устанавливается при помощи права политической эксплуатации, но настолько же

эффективно выжимается из трудящихся масс их тягостной экономической нуждой.

И точно так же, как и прежде, как в доконституционные дни, узкое меньшинство, новый правящий класс, — госкорпорация обладателей древних привилегий и новообретенных благосостояний, собирает дань с населения, теперь возросшую до безмерности, и поэтому не только уже не оказывает никаких услуг населению, но еще и выставляет напоказ свое богатство и щеголяет своей роскошной жизнью перед рабочим классом. Классовая борьба отныне все больше и больше посвящена этим экономическим причинам, основанным на порочных системах распределения; и она выливается в жесткую «рукопашную схватку» между эксплуататорами и пролетариатом, проводимую посредством стачек и забастовок, кооперативами и профсоюзами. Экономическая организация сначала не подчиняется и сопротивляется принуждению, затем она сама принуждает к признанию своих прав, а после добивается своего равноправия; затем организация руководит и, в конце концов, контролирует политическую судьбу рабочей партии. В результате именно синдикат или профсоюз поэтому контролирует рабочую партию. До определенного момента, до настоящего времени развитие государства происходило именно таким образом и прогрессировало как в Великобритании, так и в Соединенных Штатах.

Если бы в современное государство не был добавлен совершенно новый элемент, его официальная власть, его чиновничество, конституционное государство, хотя и было более тонко дифференцировано и более плотно интегрировано, по своей форме и по своему содержанию оно бы мало чем отличалось от своих прототипов.

Принципиальный момент здесь в том, что эти государственные чиновники, оплачиваемые из государственных средств*, обязательно должны быть исключены из борьбы

* Здесь уместно упомянуть, что, как говорила премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер, «у государства не бывает

противоборствующих экономических интересов; и в данном случае справедливо считается неприемлемым, чтобы кто-то из служащих правительству принимал участие в каких-либо делах по зарабатыванию денег, ни в одной хорошо организованной бюрократии такое не допускается.

Если бы принцип был осуществим и имелась бы возможность когда-либо его реализовать, чтобы никакой чиновник, даже лучший из них, не привнес с собой ту концепцию государства, которая принадлежит его классу, из которого он произошел, то только в таком случае можно было бы найти в чиновничестве, по сути, такую сдерживающую и упорядочивающую силу, отстраненную от конфликтов классовых интересов, с помощью которой государство могло бы быть приведено к своей новой цели. Это могло бы стать подобием точки опоры Архимеда, оперевшись на которую мир государства мог быть перевернут*.

Но, к сожалению, данный принцип полностью не реализуем; и более того, чиновники не перестают быть обычными людьми и не становятся просто абстракциями без классового сознания. Это может быть совершенно не связано с тем фактом, что, по крайней мере в Европе, участие в определенных формах хозяйствования, конкретно — в управлении крупными земельными поместьями, рассматривается как благоприятное средство для поступления на государственную службу, и так будет продолжаться до тех пор, пока преобладает земельное дворянство. Вследствие этого многие чиновники на континенте и, можно даже сказать, самые влиятельные чиновники подвергаются давлению со стороны внушительных экономических интересов; и порой неосознанно и часто против своей воли вовлекаются в классовую борьбу.

собственных средств, бывают только средства налогоплательщиков». — *Прим. перев.*

* Здесь Франц Оппенгеймер апеллирует к этактистской теории Лоренца Штейна, кратко изложенной в авторском предисловии. — *Прим. перев.*

Здесь влияют такие факторы, как дополнительные льготы или пособия, предоставляемые либо отцами, либо тестями, либо наследственными сословиями, а также родство или близость к лицам, контролирующим земельный и денежный интересы или связанным с ними, в результате чего солидарность интересов правящего класса и чиновников все возрастает, даже если не считать такого факта, что все эти должностные лица, практически все без исключения, забираются из класса, с которым они с детства состояли в близких отношениях. Однако если не было бы такого огромного воздействия экономических интересов, то поведение чиновников находилось бы под влиянием государственных интересов.

По этой причине, как правило, наиболее эффективный, объективный и беспристрастный состав чиновников находится в бедных государствах*. В Пруссии, например, благодаря ее бедности проблемами государства занимался несравненный аппарат чиновников. **Эти государственные служащие, в соответствии с правилом, изложенным выше, были, прямо или косвенно, фактически полностью отстранены от всех интересов в зарабатывании денег.**

Такой идеальный аппарат чиновников — редкое явление в более богатых государствах. Плутократическое развитие все больше втягивает человека в свой водоворот, лишает его объективности и беспристрастности. Но всё же чиновники продолжают исполнять те обязательства, которые требует от них современное государство, — защищать интересы государства, в противовес интересам любого класса. И этот интерес сохраняется ими, хотя и против их воли или по крайней мере безо всякого ясного осознания этого факта таким образом, что экономические средства, вызвавшие к жизни бюрократию, в конце концов продолжают

* Здесь автор, очевидно, имеет в виду бедные ресурсами страны, в которых кроме человеческого ресурса практически нет природных ресурсов. К таким странам можно уверенно отнести Германию и Японию того времени. — *Прим. перев.*

продвигаться по своему утомительному пути — к победе. В отличие от политических средств. **Никто не сомневается в том, что чиновники ведут классовую политику, предписанную им группировкой господствующих в государстве сил; и в этом отношении они, безусловно, представляют собой правящий класс, из которого они произошли.** Но они действительно смягчают ожесточенность классовой борьбы, противостояя против экстремистов в обоих лагерях и выступая за поправки к действующему законодательству, когда социальное развитие созревает для их принятия, не дожидаясь обострения борьбы за них.

Чем эффективней правит династия князей, чей настоящий представитель перенимает политику короля Фридриха*, который считал себя всего лишь «первым слугой государства», и то, что было сказано выше, относится к нему в большей степени, тем более интересы династии, в качестве постоянного бенефициара продолжительного существования государства, прежде всего будут быстрее побуждать его к укреплению центростремительных сил и к ослаблению центробежных сил в государстве.

В ходе предшествующей работы мы неоднократно отмечали естественную солидарность между князем и народом как историческую силу, имеющую большое значение. В завершенном Конституционном государстве, в котором монарх лишь в ничтожно малой степени является субъектом частных экономических интересов, он стремится быть почти что полностью «должностным лицом». Такая общность интересов здесь подчеркивается гораздо сильнее, чем в феодальном государстве или в государстве с деспотичным правлением, где господство, по крайней мере наполовину, основано на частных экономических интересах князя.

Даже в Конституционном государстве внешняя форма правления не является решающим фактором; борьба классов будет продолжаться и приведет к тому же результату,

* Фридрих Великий, основоположник прусско-германской государственности. — *Прим. перев.*

что в республике, что в монархии. Несмотря на это, следует признать, что существует большая вероятность того, что, при прочих равных условиях, график кривой развития государства в монархии будет более размашистым, с меньшей обратной инерционностью, поскольку монарх меньше подвержен воздействию кратковременной потери популярности и не столь чувствителен к кратковременным порывам неодобрения, как президент, который избирается на короткий срок и поэтому может формировать свою политику на более длительные периоды правления.

Мы не должны забывать и об особой форме чиновничества, о научных кадрах вузов, влияние которых на восходящее развитие государства нельзя недооценивать. Это не только создание экономических средств, как это произошло с самим чиновничеством, это представляет также определенную историческую силу, необходимую потребность в причинности, которую мы находили до этого только в качестве союзника государства-завоевателя. Мы видели, что такая потребность порождала суеверие, когда государство находилось еще на примитивной стадии своего развития; его убудочное создание — табу — оказалось во многом очень эффективным средством контроля со стороны правящего класса. Исходя из тех же потребностей развивалась наука, которая, нападая на суеверия и разрушая их, тем самым помогала в подготовке пути эволюции, в том числе, государства. Это неисчислимая историческая заслуга науки, и в особенности университетов.